

Праведзены аналіз творчай спадчыны К. Ілаковіч засведчыў, што тэма малой гістарычнай радзімы з’явілася вызначальным маркерам яе жыццёва-светапогляднай ідэалогіі і творчай стратэгіі. Творы К. Ілаковіч, прысвечаныя краю яе дзяцінства і юнацтва, адлюстроўваюць глыбіню душы і спецыфіку светаадчування паэтэсы. Грамадска-палітычныя падзеі, гісторыка-культурная сітуацыя першай трэці XX ст. у значнай ступені абумовілі праблемна-тэматычныя прыярытэты паэзіі К. Ілаковіч, ураджэнкі беларуска-польска-літоўскага сумежжа: у іх выразна прысутнічае залежнасць творчай самарэалізацыі ад далучанасці, пачуцця любові да малой радзімы. Паэтызацыя часоў супольнага жыцця палякаў, беларусаў і літоўцаў, зварот да матыву новай дзяржаўнай мяжы, якая раз’яднала не толькі суседнія народы, але і сем’і, патрыятычны пафас, спавядальнасць інтанацый, багатая каларыстыка, лірычная экспрэсія, рамантычная танальнасць – вось тыя ідэйна-мастацкія каардынаты, якія вызначылі мастацкі свет паэзіі К. Ілаковіч.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Напярэймы: ад Буга да Варты. Анталогія польскай паэзіі XX стагоддзя: у 2 т. / склад.-перакл. А. Лойка. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. – Т. 1. – 234 с.
2. Źłakowiczówna, K. Słownik Litewski. Poezje / K. Źłakowiczówna. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1936. – 224 s.
3. Źłakowiczówna, K. Wiersze. 1912–1959 / K. Źłakowiczówna. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1976. – 253 s.
4. Kwiatkowski, J. Literatura Dwudziestolecia / J. Kwiatkowski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. – 480 s.

УДК 821.161.1-94*В. Л. Кигн-Дедлов

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГЕРОЯ В «ШКОЛЬНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ» В. Л. КИГНА-ДЕДЛОВА

Цзи Хэхэ

*Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
Гомель, Республика Беларусь
dima.pushkin.1991@mail.ru*

В творчестве В. Л. Кигна-Дедлова заметно прослеживается поворот от белорусской к русской идентичности. Однако существующие исследования обращали мало внимания на подобную трансформацию. В «Школьных воспоминаниях» наглядно показано становление личности автора в немецкой и русской школах. В статье рассматриваются формы проявления белорусской и русской идентичности В. Л. Кигна-Дедлова в разные периоды жизни и учебы, мотивы этой трансформации, причины ее успешного завершения.

Ключевые слова: В. Л. Кигн-Дедлов; белорусская идентичность; русская идентичность; трансформация; школьные воспоминания.

TRANSFORMATION OF THE NATIONAL IDENTITY OF THE HERO IN "SCHOOL MEMORIES" BY V. L. KIGN-DEDLOV

Ji Hehe

Gomel State University named after F. Skorina

Gomel, Republic of Belarus

dima.pushkin.1991@mail.ru

In the works of V. L. Kign-Dedlov, there is a noticeable turn from Belarusian to Russian identity. However, existing researches have paid little attention to this transformation. The "School memories" clearly shows the formation of the author's personality in German and Russian schools. The article examines the forms of manifestation of the Belarusian and Russian identity of V. L. Kign-Dedlov in different periods of life and study, the motives of this transformation, the reasons for its successful completion.

Key words: V. L. Kign-Dedlov; Belarusian identity; Russian identity; transformation; school memories.

Проблемы национальной идентичности как важные направления исследования этнологии и антропологии давно попали в поле зрения литературоведов, что связано, с одной стороны, с повышенным интересом к междисциплинарным исследованиям в научных кругах, с другой, с тем фактом, что между литературой и национальной идентичностью имеются тесные генетические связи. В своем творчестве каждый писатель неизбежно, намеренно или бессознательно, проявляет склонность к определенной идентичности. М. К. Попова полагала, что «можно обратить особое внимание на саму проблему и рассматривать литературу как один из источников материалов для ее изучения» [6, с. 45]. В. Л. Кигн-Дедлов, родившийся в белорусско-немецкой семье, в 1895 г. открыто воспринимал себя русским и в своих произведениях ярко продемонстрировал русскую идентичность, на что уже обращали особое внимание российские литературоведы. Как правило, изучение проблем национальной идентичности делится на синхронное и диахронное направления, т. е. отражение идентичности человека в конкретное время и процесс образования или трансформации его идентичности за какой-то период. Однако существующие исследования о национальной идентичности В. Л. Кигна-Дедлова в основном делают акцент на первом аспекте, точнее, на отражении русской идентичности писателя белорусского происхождения. Назовем две из них: Т. А. Курина «Творчество В. Л. Кигна-Дедлова в национальном историко-культурном контексте» [5]; Н. Ю. Желтова «Русское и белорусское в прозе В. Л. Кигна-Дедлова: к проблеме национальной идентичности» [4]. Хотя в заголовке последней статьи отмечено «белорусское», в тексте оно было затронуто лишь в двух словах, и в заключении вывод сделан в пользу русской идентичности, а связи между ними совершенно не показаны. С точки зрения китайского историка-антрополога Ван Минкэ, вопрос «Кто мы?» важнее, чем вопрос «Почему мы так заявляем?». Оттого в статье рассматриваются белорусская идентичность В. Л. Кигна-Дедлова, разворачиваются мотивы трансформации от белорусской идентичности к русской, указываются причины ее успешного завершения.

Впервые покидая Беларусь для учебы в Москве, мальчик продемонстрировал привязанность к родному краю: «Прощаясь с родными людьми и родной усадьбой, я горько плакал» [3, с. 87]. Можно понять маленького Владимира: ведь все его незабываемые детские воспоминания зародились именно здесь. Когда мать вернулась в Беларусь из Москвы, оставшийся в столице мальчик ощутил небывалое одиночество и страх, ведь вокруг не было никого из родных и близких: «Ни на одну минут не забывал, что не воротиться мне домой, что попаду я в стадо, и чужие люди будут на меня, если захотят, кричать. Ужас, настоящий ужас овладел мною, очень похожий на то ощущение, которое испытываешь, когда снится, что падаешь в пропасть. Я чувствовал, что стремглав падаю, и я кричал, вопил, плакал. Слез вытекло у меня тогда огромное количество» [3, с. 92]. Когда наступили долгожданные летние каникулы и можно было наконец-то вернуться в Беларусь, Владимир Кигн не находил места от радости. Несмотря на большое расстояние от Москвы до Могилева, которое проехать нелегко для несовершеннолетнего, это не проблема для тосковавшего по родному краю В. Л. Кигна: «Но стоило ли обращать внимание на такие пустяки, когда я ехал

домой» [3, с. 105]. Подобное настроение было у каждого из нас когда-то в жизни. Такая привязанность к родине показывает белорусскую идентичность.

Белорусская идентичность Владимира Кигна отражается и в другом. Во-первых, произведения раннего периода творчества В. Л. Кигна в основном связаны с Беларусью. В школьном возрасте мальчик написал ряд рассказов, в одном из них описал святки в белорусской деревне Федоровке. В студенческие годы он опубликовал цикл очерков «Белорусские силуэты» (1878), в которых «любовно рисуются типы белорусских крестьян» [1, с. 146]. Во-вторых, хотя в России В. Л. Кигн жил больше, чем на малой родине, писатель взял себе литературный псевдоним от названия белорусского села Дедлово, а не русского, что очевидно подчеркивает у него глубокое чувство к Беларуси. В-третьих, путешествуя по Италии, Египту (1886–1887) и окраинам Российской империи (начиная с начала 1890-х гг.), он часто невольно вспоминал белорусские места и уделял особое внимание белорусам. В-четвертых, обычно у человека прирожденная симпатия к своему народу, люди по инерции прежде всего упоминают своих. В. Л. Кигн-Дедлов в литературных произведениях «с гордостью перечисляет имена известных белорусов – генерала Черняева, художника Микешина, офтальмолога Адамюка, декана юридического факультета Московского университета (а впоследствии его ректора) Сергеевича, правоведа Фойницкого, искусствоведа Прахова, историка Михаила Куторгу и его брата зоолога Степана Куторгу» [2, с. 17].

Однако с середины 1890-х гг. в своих произведениях он начал проявлять яркую русскую идентичность [4; 5; 8]. Очевидно, в его творческих ориентациях происходит заметная трансформация идентичности.

Э. Смит полагал, что «этнические границы изменяемые и культурная идентичность членов этноса в определенных пределах податливая» [7, с. 34]. При этом внешнее привлечение играет свою роль. В прошлом веке заметный разрыв между КНР и Западом во многих сферах позволил многим китайцам обратиться к западным странам за помощью, а после 1978 года они эмигрировали на Запад и стали американцами, австралийцами, канадцами. На сегодняшний день, в связи с улучшением уровня жизни в Китае, количество эмигрантов намного сократилось. Однако разрыв в модернизации между регионами внутри страны постепенно увеличивается, в результате чего все больше и больше китайцев переселяются на восток с запада, в города из деревень, чтобы стать пекинцами, шанхайцами. Подобное мы наблюдаем у детей, психология которых еще более простая. В реальной жизни нередко встречается случай, когда легко подкупают детей игрушками, конфетами, красивыми словами, чтобы они не плакали, уходили с незнакомыми, даже называли незнакомцев братишкой, дяденькой. Следовательно, материальное поощрение оказывает немаловажное влияние на выбор дальнейшей судьбы. В. Л. Кигн-Дедлов был не исключением.

Покидая родину, мальчик печально плакал, однако не долго. Писатель вспоминает: «лишь только съехали со двора, сейчас же забыл все горести и с головой окунулся в новую открывавшуюся передо мною жизнь. А жизнь эта оказалась удивительно разнообразной» [3, с. 87]. Действительно, Москва необыкновенна и привлекательна! Все начиналось с первого впечатления от города. Перед приездом в Москву мальчик считал ее старухой, а когда своими глазами увидел, то понял – это город! Здесь огромные дома, церкви, колокольни и прочие, недостает лишь старухи. Его представление о Москве изменилось, несомненно, к лучшему. Гостиница, в которой они устроились, также произвела прелестное впечатление на белоруса: «Кровать была до такой степени мягкая, что было удивительно, как это не проваливаются насквозь. Но поразительней всего была фотоголовая лампа, в то время в провинции неизвестна» [3, с. 90]. Его заинтересовала и окружающая среда. Вокруг гостиницы огромный собор, ужасно высокая колокольная башня, крыша которой чешуйчатая, по его словам, это «архитектурное чудовище», которое на него произвело торжественное впечатление. Гость из Беларуси непроизвольно восхищается: «московская старина в самом деле красива, приветлива и оригинальна, национальна» [3, с. 91]. Очевидно, что у белорусского мальчика образовалась симпатия к русской Москве, которая и усиливается в русской школе. Немецкая школа находится в переулках, в двухэтажном небольшом флигеле, она выглядит так скромно. А русская школа поразила любопытного мальчика своим величием: «Громадное здание, в которое влезло бы десять Петершулок. <...> Громадные сени, не в два, а в четыре света. Лестница – чугунная, великолепная» [3, с. 141]. Здесь великолепный актовый зал, изящная домовая церковь, красивый сад, приемная с мягкой мебелью, огромное количество книг, одним словом, он был в восхищении. Наконец-то он стал русским, как вспоминает писатель: «Я благодарю судьбу за то, что ранее

детство я провел среди нее (Москвы) и под ее впечатлением. Это прочно сделало меня русским, как московская речь сделала русским мой язык, вытравив из него белорусские примеси» [3, с. 91]. И в конце воспоминаний о немецкой школе он уже использовал первое лицо множественного числа: «Мы русские, кое-как уже выбрались на национальную дорогу» [3, с. 136].

На поворот идентичности влияет и социально-политическая обстановка. В ходе классификации национальностей (проект 1950-х гг.) китайские ученые заметили, что из-за национального неравенства в истории отдельные этнические группы на юго-западе страны заявили себя ханьцами, чтобы быть не обиженными. Во время ухудшения китайско-советских отношений некоторые русские на территории Китая заявили себя китайцами, они красили волосы в черный, связывались браком с «настоящими» китайцами, чтобы следующее поколение было более похоже на китайцев. Аналогичная ситуация сегодня и в США. На фоне обострения конфликтов между двумя державами американские политики увлекаются антикитайскими словами, в результате этнические китайцы постоянно подвергаются дискриминации и несправедливости. В таком случае американцы китайского происхождения, в особенности те, кто стремится к политической трибуне, старательно дистанцируются от «Chinese», а подчеркивают «American». В. Л. Кигн-Дедлов также пережил социальное-политическое давление, точнее в юности, когда у человека образуется мировоззрение. В немецкой школе мальчик ощутил заботу, милосердие и свободу, а в русской – совершенно другое, и ученик даже был исключен из школы, когда ему было лишь 15 лет. Об этой неприятной истории писатель ярко показал читателям в очерках «Русская школа» и «Как мы созревали».

В. Л. Кигн-Дедлов написал сочинение по истории. Хотя ему поставили пятерку, но учитель написанное сжег. Сложную социальную обстановку того времени можно понять со слов немца: «Было бы очень худо, если бы оно попало на глаза начальству ... <...> Ваше сочинение сочли бы непатриотичным и неблагонамеренным, нашли бы, что вы восхваляете польское восстание» [3, с. 159]. Слова были коротки, но дали наивному ученику незабываемый урок, он впервые понял сложность жизни: «можно быть без вины виноватым». И узнал, что его окружают неведомые опасности, «чтобы избежать их, надо быть осторожным, хитрить, подлаживаться и трусить. За тобой следят, шпионят» [3, с. 159]. Именно с того времени он начал пересмотр того, на что раньше не обратил бы особого внимания. У него было новое отношение к отдельным делам, и неопытный мальчик идеологически созрел: «С этой минуты много мне открывалось, многое очень нехорошее. <...> До этого мы были совсем дети, год спустя мы стали чересчур взрослыми» [3, с. 160].

Затем В. Л. Кигн-Дедлов ассоциирует свое пережитое в русской школе с общей обстановкой в Российской империи: «В России и в нашем пансионе жить невыносимо, потому что в пансионе и в России господствуют деспотизм и тайная полиция. Интеллигенции нельзя свободно вздохнуть тебя обвинят в политической неблагонадежности и посадят в крепость. Пансионеры и русские граждане живут не так, как им хочется, а как угодно деспотизму» [3, с. 163]. От глубоких размышлений у него появилось сознание опасности, и ему стало знакомо чувство страха. Вокруг него все происходило ужасно тайно: «За мной следили мужики, унтер-офицеры, обер-офицеры, штаб-офицеры, надзиратели, его высочородие инспектор, его превосходительство директор, работали канцелярии и почтовые учреждения; может быть, даже посылались шифрованные телеграммы» [3, с. 168]. Неприятное пережитое и чувство страха от этого оказали негативное влияние на писателя, позднее он пишет: «Я до сих пор испытываю нервную тревогу, когда при мне начинается разговор о надзорах, унтер-офицерах и субъектах с пронзительными глазами» [3, с. 202]. Отсюда мы можем понять, после того, как Беларусь присоединилась к Российской империи в конце XVIII века, и под влиянием идеологии западнорусизма и русификации Беларуси, несомненно, русская идентичность считается «правильным» политическим выбором в то время.

Если вышеуказанные два мотива считают внешней движущей силой для трансформации национальной идентичности, то сходство между восточными славянами – внутренним толчком, который обеспечивает ее успешное завершение. У белорусов и русских были общие предки, общая история и социальная память (Киевская Русь), языки и обычаи также похожи, т. е. два народа близки как по пространственному, так и по духовному расстоянию. Контрастом послужит непризнание немецкой идентичности. Во-первых, по сравнению с Россией Германия находится далеко от Беларуси, и два народа сильно отличаются во многом. Это не сокращает эмоционального расстояния. Во-вторых, В. Л. Кигн-Дедлов – потомок переселенцев-немцев, которые долгое время жили

в Российской империи, иными словами, тесная связь между ними с Германией в какой-то степени уже не существовала. Живя в обществе, где господствуют русские, эти немцы неизбежно потеряли немецкое, даже в некотором аспекте были русифицированы. Таким образом, не случайно В. Л. Кигн-Дедлов написал, что его отец знает лишь русский язык, даже молится по-русски. В немецкой школе «русский язык слышался также часто, как и немецкий; русский даже преобладал, потому что все немцы говорили по-русски» [3, с. 93]. Кроме этого, жившие в Москве немцы верят в русскую нечистую силу, а немки – в русских угодников. Очевидно, эти немецкие иммигранты уже хорошо вписались в русскую культуру. То есть теперь они более похожи на русских, а не немцев. А что касается их детей и внуков, несомненно, ассимиляция только усиливается. Таким образом, не удивительно, что В. Л. Кигн-Дедлов дистанцировался от немецкого происхождения и считал себя русским.

Национальная идентичность устойчива в относительно короткое время, и изменяема в более длинный период. Таким образом, национальную идентичность необходимо изучать в двух аспектах: синхронном и диахронном. Жизненный и творческий путь В. Л. Кигна-Дедлова показал трансформацию от белорусской к русской идентичности. На этот поворот повлияли внешнее привлечение и социально-политическая обстановка того времени, а причина его успешного завершения заключается в сходстве во многом между двумя народами.

Библиографические ссылки

1. Букчин, С. Где теперь Дедлов? / С. Букчин // Нёман. – 1971. – № 8. – С. 142–155.
2. Дедлов, В. Л. Вокруг России: Польша – Бессарабия – Крым – Урал – Финляндия – Нижний: худож. публицистика: портреты и пейзажи / В. Л. Дедлов; вступ. ст. С. В. Букчина. – М.: Граница, 2009. – 464 с.
3. Дедлов, В. Л. Киевский Владимирский собор. Школьные воспоминание: худож. публицистика / В. Л. Дедлов. – М.: [б. и.], 2007. – 240 с.
4. Желтова, Н. Ю. Русское и белорусское в прозе В. Л. Кигна-Дедлова: к проблеме национальной идентичности / Н. Ю. Желтова // Филологическая регионалистика. – 2016. – № 4. – С. 16–20.
5. Курина, Т. А. Творчество В. Л. Кигна-Дедлова в национальном историко-культурном контексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т. А. Курина // Тамбовский гос. ун-т. – Тамбов, 2010. – 24 с.
6. Попова, М. К. Проблема национальной идентичности и литература / М. К. Попова // Вестн. ВГУ. – Сер. 1: Гуманит. науки. – 2001. – № 2. – С. 45–48.
7. Смит, Э. Национальная идентичность / Э. Смит. – К.: Основы, 1994. – 224 с.
8. Цзи, Хэхэ. Оппозиция «свой/чужой» в очерках В. Л. Кигна-Дедлова «Вокруг России» как отражение авторской национальной идентичности / Цзи Хэхэ // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 28 / Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. НАН Беларусі; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск: Права і эканоміка, 2020. – С. 348–352.